

A romantic couple is seen from behind, sitting on a balcony. They are looking out at a city skyline at night, with lights reflecting on a body of water. Several red heart-shaped balloons are floating around them. The scene is intimate and celebratory.

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в тебе
самом.
Сборник 12**

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 12

<https://litres.ru/74053471>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сборнике 12 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

Содержание

Световодная любовь	9
В воздержании	12
Вздохи	15
Вещее	20
Черед	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 12

В преступлении

Против воли меня вовлекли в преступление,
Невесту мне в дом привели, уложили в постель,
Не пикнули мы – мы из прошлого с ней поколения,
Мы живем, как в пустыне, а в сердце гуляет метель.
Вонзаюсь в глубину неволи,
Как в тело чуждое стрела.
Не чувствуя ни зла, ни боли,
Ни мести на границе зла.
А между тем ее лобзаю,
А между прочим – и люблю,
Но между делом понимаю,
Что кто-то дал судьбу мою.
Кто я, чьей пущен тетивою?
И много ль в колчане таких -
Безвольных и не злых - изгоев,
Разящих, режущих в куски?
Кто я, чьей пущен тетивою?
И много ль в колчане таких -
Безвольных и не злых - изгоев,

Разящих, режущих в куски?

Против воли живу в череде преступлений я,
Жену свою в доме терзаю, как волк, по ночам,
Порой, слышу в тихой овчарне я жалкое бляенье,
То я, дело сделав, бегу от себя, как баран.

Кто безучастен к воплям боли,
Преград не ведает в костях.

А в чужом теле он невольник,
Или незванный тать в гостях?

И сам я думаю, что мог бы,
Что мог бы взять и все прервать,

Но не дают привычки догмы,
Да и судьбе своей не внять.

Бессмысленно искать ответа,
Не чувствуя чужой беды, -
Вонзаясь в плоть из царства света
Злом безучастной пустоты.

Бессмысленно искать ответа,
Не чувствуя чужой беды, -
Вонзаясь в плоть из царства света
Злом безучастной пустоты.

Я по собственной воле себе находил преступления,
Я стрелую вонзался в чужие тела, чтоб уйти,
И я думал, ты – вечность, но лопнуло долготерпение,
Ты ушла, но я слышал: к любви прежней ищешь пути.
Вонзаюсь в глубину неволи,

Как в тело чуждое стрела.
Не чувствуя ни зла, ни боли,
Ни мести на границе зла.
Кто безучастен к воплям боли,
Преград не ведает в костях.
А в чужом теле он невольник,
Или незванный тать в гостях?
Я, может, доищуся начала,
И вынусь из чужих тисков:
Лишь окровавленное жало
Очищу от чужих кусков...

В нулях

Она мне говорит: ты ноль,
Сама как тень, но правит бытом,
Альбом наш свадебный - в консоль:
Все отлюбилось и забыто.
Но воля высшая на всем,
И я скалою в это верю,
Придет и ночь, не пропадем,
Пусть мы нули, но мы не звери.
Сдвигает горы в час заката,
Сползая с туч, большая тень.
Вечерний свет - как час утраты,
Ночь впереди и новый день.
Но завтра тень пройдет чуть ближе,
К моей скале, к моим ногам.

Склоню я спину чуть пониже,
И - чуть приближусь я к богам.
Так и живем в своих мирах,
И в тонких отношениях ладим,
«Люблю» - читаю на губах,
«Люблю» - вкушаю я в оладьях.
«Прощай» - читаю я к тому,
Кто здесь уходит в неизвестность,
И пустых вздохов не пойму,
Любовь пустая - бесполезность.
В исходной сути вихрей тонких,
В их всеобъемлющем кольце,
Себя я ощущаю пленкой
В зыби вселенной, и в конце;
Меж двух миров, или вселенных, -
Склоняясь, все-таки, – к мирам, -
Где атомов разбег мгновенный
Здесь тормозит Покоя храм.
«Ну что, - в глазах читаю четко,-
Ты насовсем, не ждешь назад?»
Ну, если что, ищи по «сотке», -
Я отвечаю в звездопад.
Но вслух не отвечаю, мыслю,
Не хлопну дверью, но уйду,
Где, может, в неизвестной выси,
Еще любовь свою найду.

Сдвигаю, мысль рождая, брови,
И на извилины давлю...
В закате чую запах крови,
И, точно зверь, в ночи ловлю
Все исчезающие тени,
И миллиард кровавых лет.
И все спокойнее сомненья;
Необязателен ответ!
Кто я среди громад вопросов,
Ответов – к прошлому преград?
Кто: лишь посеянное просо?
Или холодных капель град?
А - если вычет? Ноль, всего лишь?
Он на порядок множит все?
Ответов нет, их не неволишь,
А тени множишь, делишь, нолишь,
Как тень, за дверью невесом,
А тени множишь, делишь, нолишь,
Как тень ноль за дверью невесом...
Как тень за дверью невесом...

Световодная любовь

В любви один сплошной солярий,
Но лишь вопросы без конца:
Сгоришь в страстях, как в том пожаре,
Не потеряешь ли лица?
И, наконец, погас солярий,
Цвет фиолетовый угас,
Огонь утих, и в том пожаре,
Уже почти не видно нас.
Огонь утих, и в том пожаре,
Уже почти не видно нас.
Угомониться? Повторится ль
Свет Истины в иной плоти?!
Свету во мрак не воплотиться?
Нет назад Истины пути?
Не грех ли Небо неустанно
В греховных мыслях теребить?
Ведь я любовь хочу устами -
Не светом - нежить и любить.
Ведь я любовь хочу устами -
Не светом - нежить и любить.
В любви иной теперь солярий –
В любви и к церкви, и к Христу,
Несет она, где Божьим даром

Дни световодные растут.
И все короче часы ночи,
И в слухах «караул!» вопят:
Ибо вдруг кто-то напорожил,
Что, дескать, ночи запретят.
Ибо вдруг кто-то напорожил,
Что, дескать, ночи запретят.
О, Бог мой, женщина-Христова,
И я, Бог твой, Христов-мужик:
Нам света главную основу
В самих тьмой страсти не изжить?
Как жить весь век в противоречьях?!Грешить; заранее признать:
Что Свет во всем; что грех излечат
Иисус, его Отец и Мать,
И Дух Троиц, и Свет - четвертый, -
Конца четыре на кресте.
И я, греховным молом тертый, -
В Прощенья благостной мечте?!Иду я в церковь, ставлю свечи,
Хотя и так все видит Бог,
Что я мечтаю, человеке,
В любви своей пройти чертог.
Быть живу в нем, с любовью кануть
Под Светом Высшего Суда,
Где ветер жизни нас ласкает,

Качает Света провода.

Где ветер жизни нас ласкает,

Качает Света провода.

И ты в том Свете, в мгле Вселенной,

Под световодную любовь, -

Ответишь гласом не елейным,

А воплощенным в плоть и кровь?

«Люблю!» - ответишь? Только лица

В свету с тенями на версту.

В тебя без Света мне не влиться,

Не уподобиться Христу...

«Люблю!» - ответишь? Только лица

В свету с тенями на версту.

В тебя без Света мне не влиться,

Не уподобиться Христу...

Не уподобиться Христу...

В воздержании

Воздержанием очиститься - и грех
Замолить, что был любовью создан:

Я иду путем прожитых вех,
Где в анналах неба всяк опознан.

Я иду путем прожитых вех,
Где в анналах неба всяк опознан.

Припев:

И один из грехов, что сильнее
Теребит мою грешную душу:
Что бежал от любви. Зато ей
Ни чего во плоти не разрушил!
Что бежал от любви, зато ей
Ни чего во плоти не разрушил!
Вечный путник, ты ищешь Прощенья?

Но зачем? Ты давно позабыт -
Твои вздохи и телодвиженья;
Что в душе и щемит, и гремит.

Расцепи же кандалные цепи:
Не ищи того, что не терял.

Не казни себя тем, что нелепо
В чьи-то руки себя не отдал:
Заманила любовь в кущи рая,
В сорняках ты был должен любить,

Из хвощевых болот выбираясь,
Ты хотел в кущах благостных жить.
Она сзади, упав на колени,
Все молила, ты ж не отвечал,
Кто был жертва, а кто ее пленник,
Даже Бог в это время не знал.
Кто был жертва, а кто ее пленник,
Даже Бог в это время не знал.
Не тревожить ты раскаяний, кои
Вдалеке сорняковых хвощей.
Пусть былье зарастает покоем,
В иле сброшенных с духа мощей.
Смысла нет в череде оправданий:
На себя боль вселенскую брать.
Ты - не Бог! Незатейливы раны!
И не ангел, чтоб Рай отворять;
Ты любовь перепутал невольно
С благодатью любви в Небесах,
От того до сих пор глядишь с болью,
В то, что в брошенных видел глазах.
Ты решил отмолить все под Богом,
Но под Ним ты причудливый зверь,
Без любви ты не божий избранник.
Не стучись же в железную дверь.
Без любви ты не божий избранник.
Не стучись же в железную дверь.

Ты пока еще слабый подранок,
И наивный искатель потерь:
Отпечатком следов легких санок
Борозды колесницы не мерь!
Вечный путник, искатель Прощенья.
Ты любовью земной позабыт.
Твои вздохи и телодвиженья,
Все, что на сердце болью лежит, -
Все есть канувшее безвременье,
Где на брошенном благодать лежит,
Где на брошенном благодать лежит.

Вздохи

Я ушел из дома весь в расстройстве
И не взял помойного ведра,
Слишком молода, и мы не в сродстве,
Мы эпох погрешность - мусора.
И зачем я взял тебя с собою,
Лейтенанта в дом к себе пожить,
Что, опять в работу с головою?
Но кто будет голову кружить?!
Только лишь вопросы, следом - вздохи...
Как собака, что скулит во сне.
Чудится, в сомненьях, в страхе мне, -
Как в борьбе промчавшейся эпохи,
Ну, а вдруг вся жизнь мне – только крохи,
Ну, а вдруг вся жизнь мне – только крохи,
А другим - в малине да в вине?!
Ну, а вдруг вся жизнь мне – только крохи,
А другим - в малине да в вине?!
Не до пил? Не до любил? Не до жил?
Не до дал любимым? Не до жал?..
Что же я в руках своих держал?
Даже не синицу? Отче, Боже!
Может, жизнь с рождения итожит,
Может, жизнь с рождения итожит,

То, что нам Господь с рожденья дал?
Может, жизнь с рождения итожит
То, что нам Господь с рожденья дал?
Может, я есть чье-то повторенье:
Счастья не наймиться на всех?
Брызжу семя? Или сам посев?
Жизнь моя - мгновенье за мгновеньем,
Жизнь моя - мгновенье за мгновеньем -
Не заслуга, а лишь вред и грех?
Может, без любви мое терпенье
Не заслуга, а лишь вред и грех?
Мы не мусора, хотя с помойным
Мы ведром спускаемся во двор.
Часто меня ждет там беспокойно
В не закона обнищавший вор.
Он берет «Казбека» папироску,
И даю ему я огоньку,
Навевает он в своих в обносках,
Профессиональную тоску.
Надо брать судьбу в крутые руки
И рога упрямым воротить?
Надо в себе веру обратить
В полную грехов мирскую скуку?
Что, отвернуть бедность, Истин муку,
Что, отвернуть бедность, Истин муку
И по полной - открестьясь - пожить?

Или возвратиться все же в келью,
Где твой лейтенант лобзает крест,
И поверить в Бога вместе с нею?
И жениться с переменной мест?
Ведь она художница по маслу,
Божьи лики пишет по фольге.
Генералом стану, вдруг угасну,
Словно свечка в брошенной руке?
Вариантов ряд немногочислен:
То ты весь в грехе, то - в голбеце.
То в - начале, то, глядишь, в – конце:
В череде простых и чистых истин,
Где в тенете триптих душу чистит
И загадка Бога на лице.
Где в тенете триптих душу чистит
И загадка Бога на лице.
Ну, а вдруг, они гораздо ближе?
Главная – что пожил: не прожил
Жизнь в поту, в растряске сил и жил;
В страсти Веры, в благовонной жиже –
В дополненье к первому, - и ниже,
Когда били, - голову клонил.
В дополненье к первому, - и ниже,
Когда били, - голову клонил.
Я безбожно верю в преступленья,
И воров безбожно я ловлю,

И в чужое бросил поколеньё
Семя, и сильней теперь люблю.
Я ушел из дома весь в расстройстве
И не взял помойного ведра,
Слишком молода, и мы не в сродстве,
Мы эпох погрешность - мусора.
Ты теперь в декрет, конечно, выйдешь,
Кисть в руках: и, ну, айда писать!
Ничего тут, кстати, не попишешь,
Лейтенанта в дом к себе пропишешь,
Лейтенанта в дом к себе пропишешь,
Ты ж седой, как лунь, ни дать, ни взять!
Что бы ни стряслось с судьбой моею,
Как бы ни скулил грехов мой пес, -
Он стоит, мой заданный вопрос:
Кто я? Хоть кого-нибудь согрею?
Знаю лишь одно: я пожалею,
Что сам душу к Богу не донес;
Отложив тот путь, как долгий ящик,
Исповедь оставив на потом,
Разговевшись прихотью да сном, -
Прихотью сна грезящих, как спящих,
Упиваясь призраком манящим –
Головокружительным вином.
Упиваясь призраком манящим –
Головокружительным вином.

И зачем я взял тебя с собою,
Лейтенанта в дом к себе пожить?
Что, опять в работу с головою -
Вор мне будет голову кружить?
Вор мне будет голову кружить...

Вещее

Я у прибора, впереди – туманность,
И на столе портрет твоей любви,
Летишь туда, где праведность, как данность,
Где нет беды и Спаса-на-Крови.
Сознание погружено в туманы:
Ни края, ни середки, ни основ...
В пространстве правды чистого обмана –
Чистейшего кристалла вещей снов.
В нем ничего не видя и не слыша,
Кроме души, уложенной в груди,
Поближе к сердцу – в праведности нишу,
Пытаюсь время вычесть впереди.
Поближе к сердцу – в праведности нишу,
Пытаюсь время вычесть впереди.
Но здесь я понимаю, что есть время:
Оно способно двигаться назад:
Все думы о тебе и это – бремя,
Которого Земле не передать!
Оно стоит; течет; вот-вот прольется –
Во что? Когда? Вопросы день и ночь!
Обман так осязаем. Сердце – бьется,
Душа готова на свободу прочь.
Суть вещего дробит явь на кристаллы,

Рождая в каждом свой отдельный день.
Что, если правда ляжет в тень устало,
И ей вернуться к свету станет лень?
Что, если правда ляжет в тень устало,
И ей вернуться к свету станет лень?
Гляжу в кристалл - в нем связь моя с Землею,
Там то, что не успел я замолотить -
Что сердце обжигал жестокой болью,
Теперь придется это вновь прожить.
Разблаченье жизни не в минувшем,
А в будущем – граница мне видна,
Покайся, здесь еще витают души,
А далее туманность и – вина.
Уйди, туман! Верни кристаллу бремя -
Растить в глубинах света идеал,
Дай вновь надежды, искупленью – время:
Креста еще с душой не целовал!
Вернись же, Ангел! Окольцуй, как птицу,
И, в небо бросив, - путь мой проследи!
Но вещее мне Это только снится:
Разоблаченье жизни – впереди!
Но вещее мне Это только снится:
Разоблаченье жизни – впереди!
Разоблаченье жизни – впереди!

Черед

Любили женщину мы честно,
Он победил, я запасной,
Они уже жених с невестой,
А мой черед придет весной.
Но вот прошли весна и лето,
И осень, теперь зиму ждем.
Но в чередехе мы вместе где-то,
Опять вдвоем, как два в одном.
Черед в своей беспечной сути,
Подняв взор к небу, снега ждет.
Он листья заслонит от жути,
Когда черед тому придет.
Он не спешит и не неволит:
Нет этой власти у него.
Сучит поземкой в белом поле
Небесных сфер веретено.
Тепла дать - не поможет случай,
А с ним и лета заодно:
Ненастно; чередует тучи;
И череды неясно дно.

Я рядом с чередом. С опаской
К его делам; гляжу вперед:

Улыбка его – словно, в адском,
И в райском. И всему – черед
Его ничем не приневолить.

Не угодить ему боюсь.

Он смотрит холодно. Позволить
Себе не может теплых уз.

Он смотрит холодно. Позволить
Себе не может теплых уз!

Он не помощник мне, а ужас,
Забыл о женщине я с ним,
Ну, с кем связал в любви я узел
И сколько вместе встретим зим!
И лед броска любви внезапен.

А по судьбе твои стежки -
Все в очереди. И, дай Бог: завтра
Пусть просто лепит он снежки!

Он не помощник мне, а ужас,
Забыл о женщине я с ним,
Ну, с кем связал в любви я узел
И сколько вместе встретим зим!
И Лед его броска - внезапен.

А по судьбе твои стежки -

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.